

УДК 81'362
DOI 10.51955/2312-1327_2025_4_91

ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И СООТНЕСЁННОСТЬ: ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ (В ВЕНГЕРСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

*Екатерина Дмитриевна Волошенкова,
orcid.org/0009-0007-5981-1755,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7/9
Санкт-Петербург, 199034, Россия
e.voloshenkova@spbu.ru*

*Полина Игоревна Кондратенко,
orcid.org/0000-0001-6749-3047,
кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7/9
Санкт-Петербург, 199034, Россия
p.kondratenko@spbu.ru*

Аннотация. В статье предлагается обзор существующих теорий, посвящённых грамматическим категориям определённости-неопределённости (О/НО) и соотнесённости-несоотнесённости (С/НС) в рамках грамматик немецкого и венгерского языков. Несмотря на то, что этот вопрос в контексте грамматики немецкого языка разрабатывался рядом отечественных и зарубежных лингвистов начиная с XIX века, мы полагаем, что рассмотрение его с перспективы типологического языкознания поможет выяснить элементы системы, которые ранее не рассматривались в рамках данной дискуссии. Используя в качестве теоретической базы, в том числе, достижения языковой типологии, мы считаем важным вписать вопрос о категоризации немецкого и венгерского существительного в дискурс о детерминации как поле, которое в широком смысле включает в себя две обозначенные выше категории. В качестве результата предлагается новый взгляд на О/НО и С/НС и их взаимодействие в грамматических системах разноструктурных артиклевых языков, а также дополненная классификация выражителей этих ГК. Учитывается описанный В. Г. Адмони феномен наслаждения грамматических значений друг на друга в процессе коммуникации.

Ключевые слова: грамматическая категория, имя существительное, соотнесённость, определённость, грамматика немецкого языка, грамматика венгерского языка, континуально-дискретный принцип, функциональная грамматика, грамматико-контекстуальный комплекс, выражители грамматических категорий.

DEFINETNESS AND COREFERENCE: REVISITING THE ISSUE OF A SINGLE CATEGORY OF NOUNS (IN HUNGARIAN AND GERMAN)

*Ekaterina D. Voloshenkova,
orcid.org/0009-0007-5981-1755,
Saint Petersburg State University,
7/9, University embankment
St. Petersburg, 199034, Russia
e.voloshenkova@spbu.ru*

*Polina I. Kondratenko,
orcid.org/0000-0001-6749-3047,
candidate of Philological Sciences
Saint Petersburg State University,
7/9, University embankment
St. Petersburg, 199034, Russia
p.kondratenko@spbu.ru*

Abstract. This article provides an overview of extant theories on the grammatical categories of definiteness-indefiniteness (D/ID) and coreference-incoreference (C/IC) in the German and Hungarian grammatical systems. Despite the fact that this issue has been the subject of study by a number of Russian and foreign linguists in the context of German grammar since the 19th century, it is the contention of the present study that an examination of it from the perspective of typological linguistics will facilitate the highlighting of elements of the system that have not been considered in this discussion before. Utilising the accomplishments of linguistic typology as a theoretical foundation, it is imperative to incorporate the issue of the categorisation of German and Hungarian nouns into the discourse on determination as a domain that, in a broad sense, encompasses the two categories previously mentioned. Consequently, we propose a novel perspective on D/ID and C/IC, along with their interaction within the grammatical systems of structurally diverse article languages. This proposal is accompanied by a supplemented classification of the expressions of these grammar categories. The phenomenon described by V. G. Admoni of the layering of grammatical meanings on top of each other in the process of communication is taken into account.

Keywords: grammatical category, noun, coreference, determination, German grammar, Hungarian grammar, continuum-discrete principle, functional grammar, grammar-context complex, grammatical category exponents.

Введение (Introduction)

Несмотря на то, что в современной лингвистике всё больше внимания уделяется непосредственно речевым феноменам, исследования в русле лингвистической прагматики, лингвистики текста и дискурса и иных частных направлений изучения языка (т. наз. *Bindestrich-Linguistiken* [Meiler u.a., 2023, S. 4]) не только способствуют критическому взгляду на грамматику как дисциплину [Felfe, 2020], но и вновь побуждают обратиться к системным вопросам, касающимся грамматического строя языка. В число таких вопросов входит изучение грамматических категорий (ГК) и традиций их выделения в грамматиках национальных языков. В контексте речи (как это отмечалось, в частности, В. Г. Адмони) лексические значения налагаются на грамматические, синтаксис накладывается на морфологию, и, чтобы решающее слово в коммуникативно-

ориентированных исследований не принадлежало «психологии и физиологии речи» [Адмони, 1979, с. 10], а парадигматическое и синтагматическое измерения грамматики получали дополнительно глубинное, «батизматическое» (др. греч. βαθύ/βάθος – ‘глубина’) измерение [Адмони, 1979, с. 10-12; Нефёдов, 2020, с. 25], необходимо интегрировать изучение конкретных экспликаторов какой-либо ГК в контексте с теоретическим осмыслением этой категории.

Практика изучения и преподавания иностранных языков, необходимость решения переводческих затруднений, дискурсивные процессы, сходным образом влияющие на выбор средств грамматического оформления высказывания в различных языках [Ariel, 2009, р. 28] подтверждают важность обращения к теоретической грамматике в сопоставительном аспекте. Принимая во внимание сказанное, цель настоящей статьи мы видим в анализе и синтезе существующих традиций выделения категорий О/НО (С/НС) у существительных в двух неродственных языках с артиклями-проклитиками – немецком и венгерском. Выбор языкового материала для рассмотрения указанной проблематики обеспечивает актуальность исследования.

Материалы и методы (Materials and methods)

Источниками языкового материала исследования послужили данные корпусов *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [DWDS, 2025] и *Magyar Nemzeti Szövegtár 2* [MNSZ2, 2025]. Сопоставление немецкоязычных и венгероязычных примеров из корпусов и моделирование категорий О/НО и С/НС для двух языков проводилось в опоре на теорию функциональной грамматики и теорию детерминации, предложенную в русле типологической лингвистики. Помимо моделирования, в ходе исследования применялись следующие методы: структурно- и функционально-грамматический анализ, логико-лингвистический анализ; трансформационные аналитические процедуры, в частности, метод субSTITУции, предполагающий замену элементов предложения и последующую проверку предложений на сохранение смысла.

Дискуссия (Discussion)

О/НО и С/НС в немецких грамматиках

В немецких грамматиках традиционно подробно рассматривается склонение существительных [Bergenholtz, 1976, S. 60-62]; при этом парадигма грамматических форм¹ отображается в зависимости от трёх категорий немецкого существительного: рода, числа и падежа². В отличие от этих категорий, содержание категории О/НО вызывает вопросы. В. Г. Адмони характеризует определённость (*Bestimmtheit*)

¹ Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Das Wort. 5. Auflage. Berlin: Metzle, 2020. S. 167-187

² Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1996. S. 269.

скорее как явление, «которому присущи черты грамматической категории»³. В германистике О/НО традиционно рассматривается в свете грамматикализации и в аналитической связке с артиклем или артиклевым словом^{4,5} [Тур, 1975, с. 142]. К артиклевым словам (*Artikelwörter*), помимо собственно артиклей, исследователи относят некоторые указательные, притяжательные, вопросительные и неопределённые местоимения; выбор артикля/артиклевого слова опирается на его способность выражать: 1) индивидуализацию объекта посредством референции; 2) определение объекта ситуативным контекстом; 3) определение объекта в контексте коммуникации; 4) генерализацию объекта⁶.

Следует указать на то, что речь здесь как будто идёт о различных способностях артикля к выражению соотнесённости: с одной стороны, имеется в виду референциальная соотнесённость обозначения с обозначаемым, с другой стороны, акцентируется коммуникативно-определенная соотнесённость объекта. Оценивая две линии рассмотрения артикля в отечественных грамматиках немецкого языка (фокус на семантико- и структурно-грамматические функции артикля в традициях ленинградской германистики и внимание к роли артикля в коммуникативном членении предложения, проявленное московскими германистами), А. В. Аверина и О. А. Кострова отмечают лакуны в объяснении конкретных случаев употребления артикля и дискуссионность выделяемых функций [Аверина и др., 2017, с. 11]. Дискуссионность проявляется и на синтаксическом уровне. Так, работы, использующие методологический аппарат грамматики конструкций [Welke, 2020], критически оценивают возможность отнесения согласованных и несогласованных определений (*Attribute*) к определителям (*Determiner, DET*), наряду с артиклями и артиклевыми словами [Ágel, 2007, S. 317; Fuhrhop и.а., 2006].

Референциальная соотнесённость обозначаемого объекта находит различное отражение в грамматиках. В историческом отношении необходимо указать на рассуждения о различной соотнесённости нарицательных и, особенно, собственных имён у О. Бехагеля [Behaghel, 1886, S. 214]. По замечанию В. Гладрова, категория С/НС, в сравнении с категорией О/НО, более абстрактна [Гладров, 1992, с. 234]. В дальнейшем эксплицитное выделение данной категории как свойственной немецкому существительному мы находим у Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, рассматривающих употребление определённого, неопределенного и нулевого артиклей с позиций выражения: 1) определённости и соотнесённости с конкретным предметом (опр. артикль); 2) неопределенности и соотнесённости с одним предметом из класса (неопр. артикль); 3) несоотнесённости (нулевой артикль)

³ Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Структ. соврем. нем. яз.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» 4-е изд. дораб. М.: «Просвещение» 1986. С. 93.

⁴ Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1996. S. 357-358.

⁵ Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau: Academia. 2004. S. 172-173.

⁶ Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1996. 736 S.

[Зиндер и др., 1957, с. 79-89]. При этом вопрос о несоотнесённости / нулевой выраженности грамматического значения, за которое «отвечает» данная категория, очевидно, может представлять особый интерес для германистических исследований. В частности, О. И. Москальская отмечает существование «*andere[r] Fälle der Artikellosigkeit*» (других случаев опущения артикла – здесь и далее перевод наш – Авт.), однако не конкретизирует, какие именно случаи можно было бы рассмотреть в этом подмножестве⁷. В дальнейших исследованиях представляется перспективным уделить большее внимание случаям, когда граммемы определённости/соотнесённости эксплицитно не выражены, и проанализировать в т. ч. диалектный языковой материал, коммуникацию с включением иноязычных заимствований, а также контексты, в которых определённость задаётся глаголом (см. замечание о том, что глагольная определённость не вполне совпадает с именной [Bittner, 2007, S. 366].

Упоминание (не)соотнесённости как содержательно-коммуникативной ГК немецкого существительного мы находим также у С. Т. Нефёдова, который выделяет для ГК предметной соотнесённости три разряда: определённую соотнесённость; неопределенную соотнесённость и несоотнесённость и указывает, что С/НС выражается только аналитически, через формы артикла⁸. Создаётся впечатление, что С/НС дублирует здесь О/НО.

Принципиально иной взгляд на О/НО представлен О. Г. Ревзиной, предложившей деление слов на термовые (референт – объект) и нетермовые (референт – свойство объекта и его отношение к другим объектам) [Ревзина, 1979, с. 74]. Основываясь на роли личных местоимений 3-го лица «как операторов первичного отождествления в коммуникативном акте», которую она выводит из анализа ядерных предложений типа «это есть ...» [Ревзина, 1979, с. 74-77], Ревзина убедительно показывает, что «определенность (как содержательная категория) может возникнуть только у термовых слов» [Ревзина, 1979, с. 81]. Неотъемлемой частью теории является представление о возможности потенциальной замены на личное местоимение 3-го лица как уникального свойства определённого термового слова. Так, *Das Buch hat mich drei Mark gekostet, es hat mich drei Mark gekostet – *das Buch hat mich es gekostet* (пример по [Ревзина, 1979, с. 82]).

О/НО и С/НС в венгерских грамматиках

Обратимся к ГК О/НО в унгарикистике. В отечественных и зарубежных исследованиях дискуссия об О/НО традиционно синтаксоцентрична. В частности, уже в 1874 Фердинанд Барна, критикуя попытку Венгерской Академии наук зафиксировать опущение неопределенного артикла как языковую норму в труде *Magyar nyelv rendszere* («Строй венгерского языка», 1846), приводит аргументы в пользу неопределенного артикла как части грамматической системы языка, но в

⁷ *Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.* Moskau: Academia. 2004. S. 173.

⁸ Нефёдов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 333 с. EDN XRASOD

качестве вывода утверждает, что «...ezeknek a jó uraknak a mondat határozottsága- és határozatlanságáról tiszta fogalmuk nem volt» («У этих добрых господ не было *правильного представления* об определённости и неопределённости предложения (курсив наш – Авт.)») [Barna, 1874, о. 12]. Современная унгаристика утверждает, что «a határozottság szintaktikai kategória» («определённость – синтаксическая категория») [Berényi, 2001, о. 41]. О/НО традиционно рассматривается в рамках структуры типа [глагол + объект], где в качестве объекта выступает всегда полный объект в винительном падеже (прямое дополнение), в противовес частичному объекту в элативе с партитивным значением (ср. *megtanultam könyvből* – «выучил/а по книге, букв. из книги», *megtanultam a könyvet* «выучил/а книгу»). Частеречная принадлежность объекта при этом свободна, но предполагает реализацию функций имени. Наиболее полно функциональный подход отражён в классификации Й. Томпы (см. A mai magyar nyelv rendszere, 1962), согласно которой «к классу имён относятся существительные, инфинитивы, прилагательные, причастия, числительные, местоимения» (цит. по [Гуськова, 2020, с. 397]).

Такой подход к проблеме объясняется сосуществованием в системе венгерского языка двух парадигм спряжения глагола: «határozott és általános ragozás» («объектное и безобъектное спряжение» в терминологии [Майтинская, 1955, с. 208]). Объектное спряжение актуализируется при употреблении глагола с определённым объектом, а безобъектное во всех прочих ситуациях. На современной стадии развития языка необходимость дифференциации объектных и безобъектных форм на уровне системы наиболее чётко прослеживается в диалектных формах (в частности, в диалектах западной и восточной групп), где форма 1SG, по всей видимости, сохранила (а не приобрела) две формы окончаний у глаголов т.н. «икового» спряжения (спряжение на *-ik*). Эти формы не фиксируются в литературном языке, как минимум, с XVIII века, и их употребление в речи имеет не только чисто лингвистическую, но и социальную, и даже этнокультурную (если речь идёт о сознательном выборе «некорректной» диалектной формы) функции [Kozmács, 2021, р. 108].

Несомненным достижением унгаристики следует признать составление классификации определённых и неопределённых объектов на основе формальных признаков. В то же время, чисто формальный подход к разграничению определённых и неопределённых объектов нельзя считать удовлетворительным: в частности, существуют исключения из системы типа *Azt csinálok, amit akarok* (‘Делаю то, что захочу’) вместо формально нормативного **Azt csinálom, amit akarok*. В таких случаях на первый план выступает семантика объекта.

Несмотря на очевидную созависимость глагола и объекта, К. Е. Майтинская, например, называет О/НО «категорией глагольной определённости» [Майтинская, 1955, с. 208], следуя принципу вербоцентричности венгерской грамматики. Вписать О/НО в сферу имени существительного впервые предложил В. И. Клепко в кандидатской диссертации [Клепко, 1953, с. 2-11]. В этой работе исследователь выделяет приименные детерминативы (артикли) и глагольные детерминативы

(формы спряжения) [Клепко, 1953, с. 2] и конкретизирует сведения о семантике артикля в венгерском. В частности, автор выделяет 41 условие употребления определённого, неопределенного и нулевого артиклей на основе синтаксических и семантических признаков [Клепко, 1953, с. 2-11]. Единственным известным нам венгероязычным классическим трудом, в котором О/НО выделяется как «особенность именной группы» («*főnévi csoport sajátossága*»), является *Magyar grammatika* («Венгерская грамматика») [Balogh, 2000, о. 139].

С сожалением констатируем, что (не)определенность и (не)соотнесённость в германистике нередко используются как синонимичные термины и представляются в грамматиках не вполне чётко. В случае с унгаристикой, теория О/НО как ГК имени существительного развита неравномерно, до сих пор не существует грамматического описания имён, которое могло бы удовлетворить требованиям современного языкоznания.

O/HO, C/HC в перспективе общего языкоznания

В рамках общего языкоznания беспокоящая нас двойственность в семантике артикля учтена в категории детерминации. В. А. Плунгян отмечает, что значения в семантической зоне детерминации «привязывают» свойство к его носителям (референция) и «индивидуализируют» конкретных носителей свойства (актуализация) [Плунгян, 2011, с. 161]. Кроме того, исследователь подчёркивает, что О/НО является частным случаем референтности, который не следует отождествлять с детерминацией, как это часто происходит под влиянием теории языков с грамматикализованным артиклем [Плунгян, 2011, с. 166].

Проведению чётких границ между категориями О/НО и С/НС, по всей видимости, не способствует тесная связь рассматриваемых категорий с коммуникативным контекстом, невозможность построить множество противопоставленных друг другу и обязательных морфологических индикаторов [Плунгян, 2011, с. 39]. Помимо артиклей в функции основных эксплицитных выражителей определённости какого-либо объекта с точки зрения говорящего/пишущего, а также соотнесённости называемого объекта с внеязыковой действительностью [Зиндер и др., 1957, с. 93], в качестве экспликаторов могут выступать и другие части речи, например, местоимения некоторых разрядов и числительные⁹. В ряде языков (в нашей паре к таким относится немецкий), когда определённость и соотнесённость выражаются притяжательным местоимением, использование артикля становится избыточным: *Mein Freund spricht* ‘Мой друг говорит’, но не **Der mein Freund spricht*¹⁰. В других языках, в частности, в новогреческом, в подобных контекстах может быть обязательным употребление и определённого артикля, и притяжательного

⁹ Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Структ. соврем. нем. яз.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» 4-е изд. дораб. М.: «Просвещение» 1986. С. 64.

¹⁰ Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1996. S. 355.

местоимения, ср.: *η δούλειά μου* ‘[опр. artikel ж. р.] работа моя’. В венгерском языке, который по природе является агглютинативным, для выражения посессивных отношений не используется притяжательное местоимение, поэтому прямая аналогия между венгерским и немецким языками невозможна. Однако в ряде посессивных конструкций определённый artikel заменяется нулевым: ср. *Ennek az orvosnak a táska* ‘сумка этого врача’, но не **Az orvos a táska* ‘сумка врача’. Вопрос о природе «опущения» artikelя остаётся дискуссионным. Для безартилевых языков тем более характерно ориентироваться на такого рода (косвенные) выразители О/НО, С/НС, однако тогда возникают сложности иного порядка: в частности, выясняется, что определения в пред- и постпозиции влияют на разрядную принадлежность существительного, но сами по себе её не эксплицируют [Русская грамматика..., 1980, с. 170].

Сказанное позволяет утверждать, что О/НО и С/НС – категории, в основе которых лежат неоппозитивные различия (терминология [Бондарко, 2013, с. 16]). Невозможность составить непротиворечивую систему, базирующуюся на едином основном критерии, вызывает трудности при попытке описать О/НО и С/НС в терминах и с применением методов структурного подхода, который предполагает, что в основе ГК всегда лежит система оппозиций (см. классические определения ГК¹¹). С/НС же скорее избирательна, чем регулярна (Серебряников, 1955), приводится по [Бондарко, 2013, с. 17].

ГК, в основе которых лежит сеть неоппозитивных различий, А. В. Бондарко предлагает рассматривать как полевые структуры, причём в ядре интенсивность признаков будет максимальной, а периферия, помимо «разреженности и ослабления» признака, будет характеризоваться ещё и асимметричностью [Адмони, 1964, с. 51], что необходимо учитывать в дальнейших построениях.

Рассмотрение О/НО и С/НС как полевой структуры приводит нас к теории континуально-дискретного принципа, разработанной В. Б. Кашкиным в докторской диссертации. В основе этого принципа лежит идея о существовании «универсальных смысловых зон» – континуумов: единств, определяющих строение языка и находящихся в структурах скрытой грамматики конкретного языка, к которым относятся также универсальные оппозиции, не находящие эксплицитного выражения в данном языке (терминология С. Д. Кацнельсона и Ю. С. Маслова, цит. по [Кашкин, 1996, с. 7]). Смысл континуума (напр., континуума О/НО) выражается в грамматическом интеграле (интегральное значение элемента – глубинное семантическое значение, заложенное в нём). Отталкиваясь от принципиальной несопоставимости отдельных форм разных языков, Кашкин предлагает принять за единицу сопоставления ГКК – грамматико-контекстуальные комплексы, представляющие собой «взаимодействие контекстуальных, функциональных и лексических компонентов», но подчинённые идеи выражения одного

¹¹ Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. С. 127.

семантического элемента [Кашкин, 1996, с. 3-4]. Учёный противопоставляет контрастность (принцип атомарного рассмотрения грамматического смысла) континуальности (имплицитно неконтрастному, градуальному рассмотрению), очевидно связанной с идеей полевой структуры как способа представления грамматического значения.

Результаты (Results)

Определение категорий О/НО и С/НС

Рассмотренные выше теории приводят к мысли о том, что О/НО и С/НС можно представить как **двуухмерный полевой ГКК детерминированности**, в который могут входить различные градации выраженности рассматриваемых грамматических значений. Следуя за Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой, мы будем рассматривать С/НС как более абстрактную и обширную **содержательную семантическую грамматическую категорию** (или грамматическое понятие/понятийную категорию – [Гухман, 1973, с. 5–6]), так как в рамках С/НС возможно параметризовать семантические (семиотические) взаимоотношения объекта (обозначаемого) и обозначающего. При этом под О/НО мы будем понимать **содержательную коммуникативную грамматическую категорию**, которая обнаруживает высокую связанность с коммуникативным и ситуативным контекстом и, среди прочего, эксплицируется с помощью artikelей в рассматриваемых нами языках. Благодаря грамматикализованным средствам выражения О/НО эту категорию принято рассматривать в системе; вместе с тем О/НО существует в сфере коммуникативной деятельности говорящего и реципиентов, и, тем самым относится к тем категориям, которые всегда зависят от точки зрения субъекта [Кашкин, 1996, с. 6]. Грамматические экспликаторы О/НО и С/НС пересекаются: некоторые языковые средства (абсолютный презенс, множественное число и проч.) в контексте могут функционировать как выразители С/НС, при этом не являясь выразителями О/НО. Заранее оговоримся, что в рамках настоящей статьи мы приведём только наиболее характерные примеры экспликации О/НО и С/НС в венгерском и немецком языках.

Условия О/НО в немецком и венгерском языках

Теория Ревзиной является важным шагом в вопросе изучения О/НО, так как предлагает универсальный алгоритм проверки слова на соответствие критериям определённости. Так, в полном виде условие определённости имени существительного будет выглядеть следующим образом:

$$x(\text{def}) \left\{ \begin{array}{l} x = W_{\text{терм.}} \\ x = PRO(3SG,|Pl) \\ S(x) = S_{\text{ядерн.}} \end{array} \right\} \quad (1)$$

где x – любая единица языка, $W_{\text{терм.}}$ – любая термовая единица языка. $S_{\text{ядерн.}}$ – ядерное предложение, т. к. объяснение Ревзиной справедливо только для синтаксической структуры ядерного предложения [Ревзина, 1979, с. 81].

Для венгерского языка наиболее естественным и надёжным способом проверить формальное соответствие выразителя (и конкретной единицы, которую он сопровождает) критерию определённости является составление высказывания, в котором интересующая нас единица будет полным объектом в винительном падеже. О/НО будет маркирована объектным или, соответственно, безобъектным спряжением глагола.

Представление выразителей О/НО и С/НС в поле детерминированности в двумерной и трёхмерной проекции

Отдельного внимания заслуживает вопрос об экспликаторах, т. е. грамматических выразителях значений О/НО и С/НС.

В трудах, посвящённых грамматическому описанию О/НО (С/НС) в немецком языке, основным выразителем этой категории традиционно называется система артиклей (определенный, неопределенный, нулевой) [Vater, 1979, S. 38] (у [Адмони, 1979, с. 31] определённый и неопределенный), хотя единобразия в выстраивании системы экспликаторов нет, зачастую, даже в пределах одной работы (ср. «[категория С/НС] маркируется специальными грамматическими показателями (артиклем, местоимениями) (курсив наш – Авт.)»¹² и «ГК С/НС (сокращения наши – Авт.) представлена в современном языке тремя разрядами, <...> выражаемыми формами определённых артиклей, <...> формами неопределенных артиклей, <...> по наличию нулевого артикля»¹³, причём второе утверждение здесь наследуется из трактовки выразителей ГК С/НС у [Зиндер и др., 1957, с. 80]).

Так или иначе, роль артикля в выражении О/НО и С/НС неоспорима: это один из самых частотных и системных экспликаторов категорий. Чуть менее устойчива в германистике позиция относительно некоторых разрядов местоимений. Мы полагаем, что к детерминативам следует отнести и артиклевые слова, т. е. указательные, притяжательные, вопросительные и неопределенные местоимения¹⁴ (на основании, в первую очередь, функциональной равнозначности (ср. пример из греч. выше). Подобный взгляд на местоимения как детерминативы подтверждает также данные других германских языков, в частности, английского. Несмотря на разницу в семантической нагруженности артикля и притяжательного местоимения, функционально «possessives are determiners in English and some related languages» («выразители притяжательности являются детерминативами в английском и родственных языках») [Osborne, 2021, p. 281-282]. При этом, в контексте разницы в

¹² Нефёдов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 354 с. [С. 130]. EDN X-RASOD

¹³ Там же, с. 168.

¹⁴ Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1996. S. 357.

семантической нагрузке, Осборн говорит о разной степени референциальности (соотнесённости) артиклей и выразителей притяжательности (артиклям присуща меньшая степень соотнесённости), хотя и не развивает свою теорию.

В унгаристике, как сказано выше, разработана подробная классификация (не)определенных объектов, работа над которой началась В. И. Клепко, далее развита в сопоставительном аспекте (только для неопределенного и нулевого артиклей) В. Б. Кашкиным и приведена к обобщённому списку функционально/семантически определённых элементов языка в [Balogh, 2000, о. 139]. Для будущих наблюдений интересна также семантическая и функциональная параллель между венгерскими аффиксами со значением посессивности (*birtokos személyjel*) и показателем посессивности в английском – ...'s, который Осборн также причисляет к детерминативам [Osborne, 2021, р. 280-281]. Так, даже в контекстах, где слово с посессивным аффиксом сопровождает неопределённый артикль, фиксируется регулярное употребление объектного спряжения глагола. У феномена может быть два объяснения: а) посессивность «сильнее» неопределенного артикла в семантическом плане, б) «неопределённый артикль» в этой группе на самом деле является числительным.

Несмотря на существование нескольких классификаций детерминативов, в унгаристике по-прежнему остаются лакуны в подробном грамматическом описании отдельных выразителей О/НО и С/НС. Однако стоит отметить, что в последние годы число описаний, в которых используется оптика различных лингвистических теорий, выросла. Поддерживается интерес к дейктическим маркерам, которые также часто можно рассматривать в контексте интересующих нас категорий (такие маркеры будут часто связаны с темарематическим членением предложения, т.е. будут синтаксическими выразителями). В частности, Ференц Кифер говорит о темпоральной соотнесённости (temporal reference) наречия *majd* ‘потом’ [Kiefer, 2012, р. 432-433]. Кроме того, наблюдается рост внимания к отдельным средствам выражения референциальности. Довольно подробно описаны функции указательных местоимений, их влияние на определённость имени, при котором они стоят, а также семантическое наполнение в разных контекстах [Laczko, 2010, р. 100-116].

Представим, что множество значений С/НС расположено на луче x , который выходит из точки А, бесконечно стремящейся к нулю (но, что принципиально, нулём не являющейся), а множество значений О/НО – на прямой y , которые образуют поле детерминированности в виде полуплоскости, где луч x – множество значений соотнесённости, а ось ординат – множество значений определённости (см. Рис. 1). При этом, в отличие от ординаты, которая может лежать по обе стороны от точки А: $(-\infty; 0)$ и $(0; \infty)$, значение абсциссы может быть только $(0; \infty)$. Это объясняется априорной семантической наполненностью любого знака: если знак существует, он является частью семантического треугольника Фреге, а значит соотносится как минимум с самым общим представлением о данном объекте. По этой же причине точка $[0;0]$ выколота на графике. Расположение цифр на рисунке

соответствует примерному расположению конкретного экспликатора в спектре (не)определенности и (не)соотнесённости, при этом цифры, выделенные курсивом, соответствуют экспликаторам О/НО (С/НС) в немецком языке, а цифры, набранные **полужирно**, – в венгерском. Классификация немецких экспликаторов основана на [Зиндер и др., 1957, с. 80; Ревзина, 1979, с. 83-89; Тур, 1975, с. 157-178], венгерских – [Кашкин, 2001 с. 103; Клепко, 1953, с. 2; Balogh, 2000, о. 139] (русскоязычная терминология по [Майтинская, 1955, с. 303]).

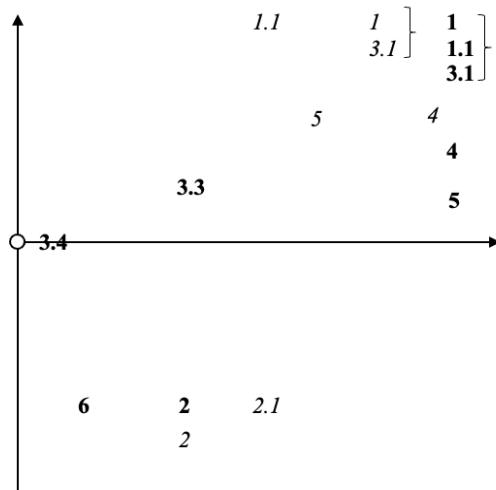

Рисунок 1 – ГКК детерминации для венгерского и немецкого языков

1 – определённый артикль;

1 – определённый артикль;

1.1. – частн. случай: прил. в
превосходной степени, порядковое числ.;

1.1. – частн. случай: посессивные
отношения, кроме п. 4;

1.2. – частн. случай: артикль в
конструкции [определ.+сущ.] в
выделительной функции;

2 – неопределённый артикль;

2 – неопределённый артикль;
2.1. – частн. случай: артикль в
конструкции [определ.+сущ.] в
определительной функции;

3 – нулевой артикль;
3.1. – частн. случай: уникум (в т.ч.
ситуативный) / имя собственное;

3.1. – частн. случай: уникум (в т.ч.
ситуативный) / имя собственное;

3.2. – частн. случай: инфинитив*;
3.3. – частн. случай:
количественное числительное;

3.2. – частн. случай: определение в
конструкции [определ.+сущ.] обозначает
признаковую разновидность;
4 – указательное местоимение;

3.4. – частн. случай: в качестве
предикатива;

4 – посессивная конструкция (при
нулевом/неопределенном артикле);

5 – указательные местоимения**

6 – определённые местоимения*;

7 – неопределённые местоимения*.

Так, О/НО представляется нам типичной неоппозиционной структурой (форма + содержание), а значения С/НС разумно рассматривать с позиции ГКК, привлекая к рассмотрению контекст (форма + содержание + контекст). Наложив эти ГК друг на друга, мы получаем трёхмерное изображение, в котором самостоятельно

функционируют форма О/НО и форма С/НС, содержание О/НО и содержание С/НС. Решающую роль в актуализации этих значений играет контекст (текстовый, интертекстуальный, ситуативный [Meibauer, 2012, p. 11]), который необходим для трактовки С/НС (что делает её особенно сложной для изучения) и вносит вклад в трактовку некоторых случаев О/НО. Исходя из этого положения, имеет смысл дополнить схематическое изображение ГКК детерминированности (батизматической) осью z (см. Рис. 2), на которой в дальнейшем можно отметить pragmaticальные факторы (пресуппозиции говорящего и слушающего, параметры коммуникативной ситуации, особенности коммуникативного взаимодействия между участниками общения [Vater, 1979, S. XXIV]), от которых зависит установление О/НО, С/НС для каждого конкретного существительного.

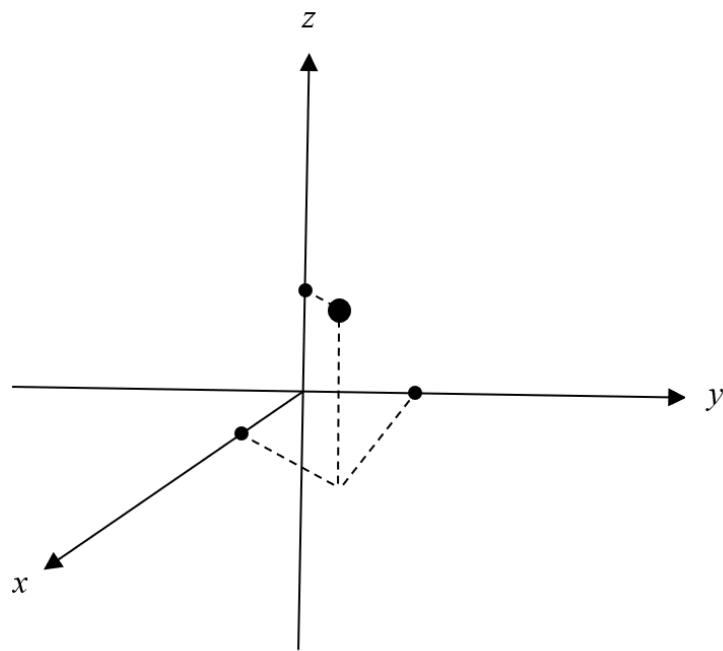

Рисунок 2 – ГКК детерминации как трёхмерная структура

Иллюстративный материал к схематическому отображению О/НО и С/НС

Проиллюстрируем приведённую схему примерами из корпусов немецкого и венгерского языков.

Немецкий язык:

(1) 1 – *Die Standardschlepperfertigung wurde Anfang der 1970er Jahre zugunsten der Baumaschinenproduktion eingestellt* (В начале 1970-х гг. производство стандартных тракторов было прекращено в пользу производства строительной техники).

(2) 1.1. – *Die ersten Kramer-Modelle ab 1925 wurden einfach nach ihrer Funktion, z.B. „Motorgrasmäher“, benannt* (Первые модели Kramer с 1925 года назывались просто по их функции, например, «моторная газонокосилка»).

(3) 1.2. – *Die Wand ihres Arbeitszimmers war weiß* (Стена её комнаты была белой).

(4) 2 – *Ein Lichtstrahl kann durch ein paralleles Lichtbündel mit kleinem Durchmesser angenähert werden* (Луч света можно приблизительно представить в виде пучка параллельных лучей небольшого диаметра).

(5) 2.1. – *In Kecskemét ist ein schönes Beispiel für den Jugendstil der Cifra Palota* (В Кечкемете находится прекрасный образец стиля модерн – дворец «Цифра Палота»).

(6) 3 – *Er war Student bei Wilhelm Conrad Röntgen, promovierte und habilitierte zum Professor* (Он был студентом Вильгельма Конрада Рентгена, защитил диссертацию и получил звание профессора).

(7) 3.1. – *Thomas Mann vollendet nach einer vierjährigen Unterbrechung den Roman Doktor Faustus* (После четырехлетнего перерыва Томас Манн завершает роман «Доктор Фаустус»).

(8) 3.2. – *Das Buch Schatz der Erde und Weißer Schnee beruht auf ihren Erlebnissen im Gebirgsland Guizhou im Südwesten Chinas und handelt vom Leben im Dorf Drachenzahn* (Книга «Сокровище земли и белый снег» основана на её впечатлениях от поездки в горную провинцию Гуйчжоу на юго-западе Китая и рассказывает о жизни в деревне Драконий Зуб).

(9) 4 – *Dieses Kapitel beschäftigt sich mit prinzipiellen Eigenschaften von optischen Abbildungen* (Эта глава посвящена основным свойствам оптических изображений).

(10) 5 – *Ihre Arbeiten sind Ausdruck des mühsamen Prozesses, als Schwarze in Amerika eine eigene Identität zu formen* (Её работы являются выражением многотрудного процесса формирования личной идентичности чернокожей женщины в Америке).

(11) 6 – *Grundsätzlich werden zwei Arten von Polarisation unterschieden* (В основном различают два вида поляризации).

Венгерский язык:

(12) 1.1. – *Látom a szemed[et], és benne ezer piros tulipánlángot* (Я вижу твои глаза, и в них – тысячи тюльпанов, красных, как языки пламени).

(13) 2. *Texas napsütötte tájain, néha megmentett egy postakocsit a gonosz rablóktól* (В освещённом солнцем Техасе, иногда спасал(а) почтовый дилижанс от злых грабителей).

(14) 3.1. *1944 végén a szovjet hadsereg körbezárt Budapestet* (В конце 1944 советская армия окружила Будапешт).

(15) 3.3. *A kerítésécnak dőlve álltunk egy órát, száz évet, ki tudhatja már* (Прислонившись к доскам забора, мы стояли час, сто лет, никто уже не знал).

(16) 3.4. *A főtemplom fele támolyogtam, hogy részt vegyek a szentmisén* (Я поплёлся/лелась в сторону главного храма, чтобы принять участие в мессе).

(17) 4 – *Miért nem inkább egy idegen ember egy távoli, idegen országban, akinek nem látom arcát* (Почему скорее не незнакомец, в [какой-нибудь] далёкой чужой стране, лицо которого я не вижу).

(18) 5 – *...nem is takargatta, nem is fékezte ezt a köhögést* (...он/а не скрывал/а и не пытался/ась подавить этот кашель).

Заключение (Conclusion)

Обзор общетеоретических трудов, посвящённых О/НО и С/НС в различных языках, и работ, осмысляющих строй немецкого и венгерского языков, а также анализ языкового материала позволил прийти к выводу о необходимости выделения О/НО и С/НС на основании семантических и функциональных различий. Руководствуясь семантикой и обзором системы выразителей грамматических

значений, можно с большей точностью разграничить О/НО и С/НС, признавая, впрочем, что обе ГК составляют единый грамматико-контекстуальный комплекс.

Обращение к материалам двух неродственных языков даёт возможность избежать обобщений и сведения конкретного языкового материала к вопросам скрытой грамматики и глубинных грамматических структур, что зачастую свойственно типологическим трудам, авторы которых опираются на материал большого числа языков. В то же время, взгляд на немецкий и венгерский языки в рамках данной статьи открывает обширные перспективы дальнейшего, более конкретного рассмотрения отдельных экспликаторов, их формы, значения и функций в сопоставительном аспекте. В частности, представляется оправданным вывод множества выразителей С/НС за пределы имени существительного: дискуссию об этой ГК можно дополнить рассмотрением функций видовременных форм глагола и числа. Следующим шагом в разработке теории С/НС нам представляется создание методики для выделения если не чётких иерархических границ внутри С/НС, то, по крайней мере, районов «буферных зон», в которых происходит постепенный переход с одной ступени соотнесённости на другую. Наконец, отдельного исследования заслуживает вопрос о (не)значимом «опущении» артикля, характерном для ситуаций устного общения, телеграфного стиля и некоторых контекстов интернет-коммуникации.

Примечания

*Включение в схему местоимений и инфинитивов обусловлено тем, что, как было упомянуто выше, функционально «к классу имён относятся существительные, инфинитивы, прилагательные, причастия, числительные, местоимения» (цит. по [Гуськова, 2020, с. 397]). При этом в невыделении прилагательных, причастий и числительных в отдельную группу также нет ничего противоречивого: эти части речи сочетаются с экспликаторами так же, как существительное, а местоимения и инфинитивы следуют иному механизму. Несмотря на то, что в рамках этой статьи первостепенный интерес для нас представляют имена существительные и их функционирование в рамках О/НО и С/НС, нам показалось важным указать на эту особенность венгерского, как на важную для системы языка. Примеры к этим пунктам приводить не будем, вопрос о соотнесённости отдельных неопределённых местоимений должен быть рассмотрен отдельно.

**Вслед за В. И. Клепко мы полагаем, что сохранившийся в конструкции типа *ez a ház* ‘этот дом’ определённый артикль «имеет чисто плеонастическое значение» [Клепко, 1953, с. 6], и на первый план выводим семантику местоимения.

Источники

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // [Электронный ресурс]. – 2025. URL: www.dwds.de (дата обращения: 05.08.2025).

MNSZ2 – Magyar Nemzeti Szövegtár 2 // [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <http://clara.nytud.hu/mnsz2-dev/index.html> (дата обращения: 05.08.2025).

Библиографический список

Аверина А. В. Эволюция дискурса о немецкой грамматике: новое в интерпретации артиклия / А. В. Аверина, О. А. Кострова // Эволюция и трансформация дискурсов : сборник научных статей. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2017. С. 11-18. EDN ZIHWL8.

Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М., Л.: Наука, 1964. 104 с.

Адмони В. Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках: сб. статей. Л.: Наука. 1979. С. 6-36.

Бондарко А. В. Принцип естественной классификации в сфере грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Институт лингвистических исследований РАН. М.: Издательство "Языки славянских культур", 2013. С. 13-25. EDN XVVRXT.

Гладров В. Семантика и выражение определённости/неопределенности // ТФГ. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость/неопределенность: коллективн. монография. СПб.: Наука, 1992. С. 232-265.

Гуськова А. П. К вопросу о сопоставительном изучении частей речи в венгерском и русском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, №3. С. 395-404. DOI 10.35634/2224-9443-2020-14-3-395-404. EDN СРХJC.

Гухман М. М. Соотношение морфологических грамматических категорий и типологии языков // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения: тезисы докладов. М.: АН СССР. Ин-т языкоznания, 1973. С. 5-8.

Зиндер Л. Р. Современный немецкий язык: Теоретический курс. 3-е изд. дополн. / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. 419 с.

Кашкин В. Б. Континуально-дискретный принцип в универсальной функциональной грамматике: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук / В. Б. Кашкин. Воронеж, 1996. 41 с. EDN QDFWKN

Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2001. 255 с. EDN QCPMNL.

Клепко В. И. К вопросу о выражении определённости и неопределенности имени существительного в венгерском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук / В. И. Клепко. М., 1953. 16 с.

Майтанская К. Е. Венгерский язык: [в 3 т.] Ч. 1 - Введение, Фонетика, Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 304 с.

Нефёдов С. Т. Грамматика и коммуникация: к вопросу о научном методе В. Г. Адмони // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2020. № 10. С. 11-30.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с. EDN PWOOIL.

Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категория определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках: сб. статей. М.: Наука, 1979. С. 64-89.

Русская грамматика: [в 2 т.] Т.1 – Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

Тур В. И. Артикль как показатель функций обозначения существительным. Минск: Изд-во Вышэйшая школа, 1975. 192 с.

Ágel V. (Nicht)Flexion des Substantiv(s). Neue Überlegungen zum finiten Substantiv // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 34. № 3. S. 286–327. DOI 10.1515/ZGL.2006.021.

Ariel M. Discourse, grammar, discourse // Discourse studies. 2009. Vol. 11. № 1. Pp. 5–36. DOI 10.1177/1461445608098496.

Balogh J. Magyar Grammatika. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000. 577 o.

Barna F. A határozott és határozatlan mondatról. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia kiadója, 1874. 31 o.

Behaghel O. Die deutsche Sprache. Leipzig: Freytag Verlag, 1886. 231 S.

Berényi M. A határozottság kifejezésének egyes jellegzetességei a magyar nyelvben // Intézeti szemle: tudományos és módszertani folyóirat, XXIII évf. 1.-2. szám. Budapest: Magyar nyelvi intézet, 2001. O. 41–46.

Bergenholtz H. Zur Morphologie deutscher Substantive, Verben und Adjektive. Probleme der Morphe, Morpheme und ihre Beziehung zu den Wortarten. Bonn: Ferd. Dümmlers Verlag, 1976. 118 S.

Bittner D. Was motiviert die partielle Unflektiertheit des indefiniten Artikels? Markiertheitstheoretische und sprachhistorische Überlegungen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 34. № 3. S. 354–373. DOI 10.1515/ZGL.2006.023.

Felfe M. Schlüssel oder Peitsche? Schulgrammatik im Spagat // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2020. Vol. 48. № 2. S. 336–388. DOI 10.1515/zgl-2020-2005. EDN HSRVWH.

Fuhrhop N. Was ist ein Attribut? / N. Fuhrhop, R. Thieroff // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2006. Vol. 33. № 2-3. S. 306–342. DOI 10.1515/zfgl.33.2-3.306.

Kiefer F. Some observations on the Hungarian adverbial particle majd // Acta Linguistica Hungarica. 2012. Vol. 59. № 4. P. 427–438. DOI 10.1556/aling.59.2012.4.2.

Kozmács I. A receding paradigm as a tool of language discrimination // Hungarian Studies. 2021. Vol. 34. № 1. P. 108–119. DOI 10.1556/044.2020.00010. EDN SRURJF.

Laczkó K. Demonstrative pronouns in spatial deixis, discourse deixis, and anaphora // Acta Linguistica Hungarica. 2010. Vol. 57, № 1. P. 99–118. DOI 10.1556/aling.57.2010.1.5

Meibauer J. What is a context? Theoretical and empirical evidence / R. Finkbeiner, J. Meibauer, P. B. Schumacher // What is a Context? Linguistic approaches and challenges. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 9–33.

Meiler M. Linguistische Methodenreflexion im Aufbruch / M. Meiler, M. Siefke // Beiträge zur aktuellen Diskussion im Schnittpunkt von Ethnographie und Digital Humanities, Multimodalität und Mixed Methods. De Gruyter: Berlin/Boston, 2023. 351 S.

Osborne T. NPs, not DPs: The NP vs. DP debate in the context of dependency grammar // Acta Linguistica Academica. 2021. Vol. 68, № 3. P. 274–317. DOI 10.1556/2062.2021.00001. EDN AELSAM.

Vater H. Das System der Artikelformen im gegenwärtigen Deutsch. Berlin, New York: Max Niemeyer Verlag, 1979. 132 S.

Welke K. Konstruktionsgrammatik: Konstruktionen ohne Grammatik? // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2020. Vol. 48, № 2. S. 389–423. DOI 10.1515/zgl-2020-2006. EDN XSELGI.

References

Admoni V. G. (1964). Fundamentals of theory of grammar. Moscow: Nauka Publ., 1964. 104 p. (In Russian).

Admoni V. G. (1979). Structure of Grammatical Meaning and Its Status in the Language System. *Struktura predlozheniya*. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 6-36. (In Russian)

Ágel V. (2007). (In)Flection of the Noun. New considerations on the finite noun. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 34(3): 286–327. (In German).

Ariel M. (2009). Discourse, grammar, discourse. *Discourse studies*. 11(1): 5–36.

Averina A. V., Kostrova O. A. (2017). Evolution of discourse in the German grammar: new in the interpretation of the article. Evolyuciya i transformaciya diskursov. (2): 11-18. (In Russian).

Balogh J. Hungarian Grammar. Budapest: *Nemzeti Tankönyvkiadó*, 2000. 577 p. (In Hungarian).

Barna F. (1874). About the Definite and Indefinite Sentence. Budapest: *Hungarian Academy of Sciences Publ.*, 1874. 31 p. (In Hungarian).

Behaghel O. (1886). The German Language. Leipzig: *Freitag Publ.*, 1886. 231 p. (In German).

Berényi M. (2001). About some Specialities of Expression of the Definiteness in Hungarian Language. Intézet szemle: tudományos és módszertani folyóirat. 23(1-2): 41-46. (In Hungarian).

Bergenholtz H. (1976). To the German Noun, Verb and Adjective Morphology. The Problem of Morph, Morpheme and their Connection to the Parts of Speech. Bonn: *Ferd. Dümmlers Publ.*, 1976. 118 p. (In German).

Bittner D. (2007). What Motivates the Partial Inflectedness of the Indefinite Article? Considerations of Markedness Theory and Linguistic History. *Zeitschrift für germanistische Linguistik.* 34(3): 354-373. (In German).

Bondarko A. V. (2013). Principle of Natural Classification in Sphere of Grammar. Problemy funktsional'noi grammatiki: Printsip estestvennoi klassifikatsii. 13-25. (In Russian).

Felfe M. (2020). School Grammar: A Balancing Act Between Helpful Tool and Punishment? *Zeitschrift für germanistische Linguistik.* 48(2): 336-388.

Fuhrhop N., Thieroff R. (2006). What is an attribute? *Zeitschrift für germanistische Linguistik.* 33(2-3): 306-342. (In German).

Gladrov V. (1992). Semantic and Explication of Definiteness/Indefiniteness. *Teoriya funkciona'l'noj grammatiki. Sub 'ektnost'. Ob 'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelyonnost'/neopredelyonnost'.* SPb.; Nauka Publ., 1992. 232-265. (In Russian).

Guhman M. M. (1973). The Correlation of the Morphological Grammar Categories and The Language Typology. *Tipologiya grammaticeskikh kategorij. Meshchaninovskie chteniya.* Moscow: *Academy of Sciences of the Soviet Union Publ.*, 1973: 5-8. (In Russian).

Guskova A. P. (2020). About Contrastive Studies of Parts of Speech in Hungarian and Russian. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij. 14(3): 395-404. (In Russian).

Kashkin V. B. (1996). Continuum-Discrete Principle in the Universal Functional Grammar: Diss. abstract of Diss. of Cand. of the Philology, Voronezh, 1996. 41 p. (In Russian).

Kashkin V. B. (2001). Functional Typology (The Indefinite Article). Voronezh: *Voronezh State University Publ.*, 2001. 255 p. (In Russian).

Kiefer F. (2012). Some observations on the Hungarian adverbial particle majd. *Acta Linguistica Hungarica.* 59(4): 427-438.

Klepko V. I. (1953). About Expression of Definiteness and Indefiniteness of The Hungarian Noun. Diss. abstract of Diss. of Cand. of the Philology. Moscow, 1953. 16 p. (In Russian).

Kozmács I. (2021). A receding paradigm as a tool of language discrimination. *Hungarian Studies.* 34(1): 108-119.

Laczkó K. (2010). Demonstrative pronouns in spatial deixis, discourse deixis, and anaphora. *Acta Linguistica Hungarica.* 57(1): 99-118.

Majtinskaja K. E. (1955). The Hungarian Language (in 3 vol.). 1 vol. Moscow: *Academy of Sciences of the Soviet Union Publ.*, 1955. 304 p. (In Russian).

Meibauer J. What is a context? Theoretical and empirical evidence / R. Finkbeiner, J. Meibauer, P. B. Schumacher // What is a Context? Linguistic approaches and challenges. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 9–33.

Meiler M., Siefke M. Linguistische Methodenreflexion im Aufbruch // Beiträge zur aktuellen Diskussion im Schnittpunkt von Ethnographie und Digital Humanities, Multimodalität und Mixed Methods. De Gruyter: Berlin/Boston, 2023. 351 p. (In German).

Nefedov S. T. (2018). Theoretical Grammar of the German Language. Morphology. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2018. 354 p. (In Russian).

Nefedov S. T. (2020). Grammar and Communication: About the Scientific Methods of V.G. Admoni. Nemeckaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. (10): 11–30. (In Russian).

Osborne T. (2021). NPs, not DPs: The NP vs. DP debate in the context of dependency grammar. Acta Linguistica Academica. 68(3): 274-317.

Plungian V. A. (2011). Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2011. 672 p. (In Russian).

Revsina O. G. (1979). Functional Approach to Language in the Definiteness-Indefiniteness Category. Kategorija opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskih i balkanskih yazykakh. Moscow: Nauka Publ., 64-89. (In Russian).

Shvedova N. Y. (1980). Russian Grammar (2 vol.). 1 vol. Moscow; Nauka Publ., 1980. 783 p. (In Russian).

Tur V. I. (1975). Article as a Way of Expression of Noun Functions. Minsk; Vyshejshaya shkola Publ., 1975. 192. (In Russian).

Welke K. (2020). Construction grammar: constructions without grammar? Zeitschrift für germanistische Linguistik. 48(2): 389-423.

Zinder L. R., Stroeva T. V. (1941). Modern German language. Theoretic course. Leningrad: Foreign language literature Publ., 1941. 362 p. (in Russian).